

Услышав этот вопрос, Янь Сюнь молниеносно просчитал варианты ответов.

Он уже едва не кивнул, но, встретив смеривший его ледяной взгляд Фу Сыхэна, пошёл на поводу у инстинкта самосохранения и наотрез выродил:

— Ничего подобного.

Чтобы окончательно развеять подозрения, он с наигранным хладнокровием добавил:

— Инструктор Фу, а вы, оказывается, тот ещё нарцисс. Сам же только что твердил, будто между нами лишь отношения курсанта и наставника. А утренние слова про укусы... Так это просто реакция на феромоны. Неужели вы всерьёз думали, что дело в чём-то другом?

Последняя фраза прозвучала с нарочитым изумлением и наглостью.

Фу Сыхэн смерил его тяжёлым взглядом:

— Понимание достигнуто. И славно.

Лицо инструктора выглядело бледным и осунувшимся. Янь Сюнь вкрадчиво скользнул по нему взором и как бы невзначай уронил:

— Что, Инструктор Фу, разочарованы?

— Если вопросов больше нет — свободен. Мне нужно отдохнуть, — Фу Сыхэн явно не намеревался продолжать этот разговор.

Янь Сюнь с досадой развернулся к выходу, но тут вслед ему донеслось:

— Погоди.

Глаза парня мгновенно вспыхнули. Он обернулся:

— Что такое?

— Пойди и извинись перед Ло Шу. И почеловечнее.

Янь Сюнь замер. В душевном порыве он уже мысленно порубил этого Ло Шу на тысячи мелких кусочков, какие тут, к чёрту, извинения!

Видя невозмутимость на лице Фу Сыхэна, Янь Сюнь почувствовал жгучую досаду и счёл нужным прояснить:

— Я рвался набить ему морду вовсе не из ревности, не бери в голову. Просто терпеть не могу, когда распускают руки на омег.

— Угу, — безучастно отозвался Фу Сыхэн.

— Да и кусать тебя я больше не собираюсь. Я вообще не стану кусать омегу, если только это не мой парень.

— Понятно.

Окончательно сдувшись, Янь Сюнь с кислой миной убрался восвояси.

Вспомнив его последние слова, Фу Сыхэн неожиданно воскресил в памяти тёплый, дурманный аромат янтарного мускуса. В груди сладко и тревожно жгло.

Он резко качнул головой, отгоняя наваждение. Период вторичной дифференциации изматывал до предела. Похоже, завтра придётся снова вооружиться ингибиторами, лишь бы вытянуть эти сборы.

Вечером, когда Фу Сыхэн уже собирался ложиться, у москитной сетки раздался шорох, за которым последовал глухой стук — в комнату явно что-то подбросили.

Он поднялся и подошёл к письменному столу у окна. На столе лежало нечто, завернутое в чёрный пластиковый пакет.

Фу Сыхэн высунулся наружу. За окном простиралась непроглядная тьма — ни души.

Издали доносился стрекот цикад, кваканье лягушек и редкий лай служебных собак. В ночном воздухе витал тонкий аромат османтуса. Тишина казалась умиротворяющей.

Он развернул пакет. Внутри оказалась россыпь упаковок, напоминающих обычные бактерицидные пластыри. Сверившись с инструкцией, Фу Сыхэн понял, что перед ним специализированные невидимые пластыри для блокировки феромонных желез.

Из кулька выпала записка. Почерк был до того корявым и неряшливым, что разобрать его стоило немалых трудов:

«Это для желез. Если дерьмово работают — скажи».

Подпись даже не требовалась — автор угадывался без труда.

Каракули Янь Сюня разительно диссонировали с его эффектной внешностью. Когда-то Фу Сыхэн подтрунивал над его почерком, на что тот с абсолютной серьёзностью заявлял: «Красавчики всегда пишут как курица лапой. А если у тебя почерк красивый, значит, ты уступаешь мне в привлекательности».

Тогдашний Фу Сыхэн не отличался нынешним великодушием, а потому в ответ намеренно заполнил всё домашнее задание ошибочными ответами. Дождался, пока Янь Сюнь всё счистит к себе, и лишь затем исправил на правильное.

В итоге Янь Сюня долго драли за уши в учительской. Вернулся он совсем смурным, и Фу Сыхэн с холодной торжествующей улыбкой спросил его: «Ну, и кто тут красивее?»

Но Янь Сюнь даже не подумал обидеться. Лишь тихо ответил: «Ты».

А затем добавил: «Мой парень — самый красивый».

Интонация была такой, будто он балует капризного омежку. Но мозги Фу Сыхэна тогда давали сбой, и эта уловка сработала на ура.

При воспоминании об этом взгляд Фу Сыхэна потеплел. Он поднял взор на полную луну, замершую в поднебесье.

Кто-то однажды сказал, что самым прекрасным видом нужно любоваться вместе с самым дорогим человеком. В душе Фу Сыхэна вспыхнуло едва уловимое, лёгкое сожаление.

А прямо под окном, прижавшись спиной к стене, сидел Янь Сюнь. Подогнув одну ногу и положив руку на колено, он смотрел на залитый светом ночной диск.

Он просидел там долго, и только когда услышал, как Фу Сыхэн закрыл окно и лёг спать, поднялся и бесшумно ушёл.

Утром Фу Сыхэн проснулся от тянущей боли в затылке и шее. Ощущение напоминало солнечный ожог — кожу в области феромонной железы кололо и саднило.

На улице пронзительно запел свисток общего сбора. Времени разглядывать себя в зеркале не

оставалось: он наскоро пару раз брызнул ингибитором и наклеил невидимый пластырь.

В горах развиднелось. Восходящее светило заливало окрестности ярким светом, заставляя умытую дождём листву искриться на солнце.

Курсанты выстроились на плацу. И хотя десятикилометровый кросс отменили, перед основными занятиями положено было сделать традиционную разминку в несколько кругов.

Фу Сыхэн взялся за свисток, намереваясь возглавить строй, но проходивший мимо Янь Сюнь ловким движением перехватил инструмент прямо у него из рук.

Даже не удостоив его взглядом, Янь Сюнь накинул шнурок на шею и скомандовал:

— Отряд, равняйся! Бегом... марш!

И увёл колонну за собой, оставив Фу Сыхэна с инструктором на краю плаца.

Инструктор ухмыльнулся:

— А я-то думал, этот Янь Сюнь из породистых мажоров, которым ничего не надо. А он, смотри-ка, на этих сборах из кожи вон лезет.

Фу Сыхэн удивлённо вскинул бровь:

— С чего вы взяли, что он мажор?

— Инструктор Фу, вы же с ним однокашники, разве не в курсе?

— В курсе чего?

— Да говаривали, его отец — высокопоставленный генерал из Штаба национальной обороны. Точно не скажу, на совещании краем уха слышал, — поделился инструктор.

Сердце Фу Сыхэна пропустило удар.

Штаб национальной обороны...

Янь Сюнь ни разу об этом не заикался. Фу Сыхэн всегда был уверен, что у того в семье туго с деньгами. В голове пронеслась жуткая мысль: а что, если всё от начала и до конца — от знакомства до расставания — было с его стороны холодным расчётом?

Впрочем, он тут же отбросил эту догадку. Янь Сюнь знал лишь то, что он служит в Галактической морской пехоте, и понятия не имел, что его отец — сам маршал Фу Шоумин.

Взаимоотношения между Штабом национальной обороны и Галактической морской пехотой всегда напоминали тихую войну. Они постоянно топили друг друга — то подгадят на заседании, то подстроят подножку на учениях. Пресса тоже раскололась на два лагеря: одни с пеной у рта восхваляли Штаб, другие пели дифирамбы Пехоте.

Простой пример: два года назад, когда Фу Сыхэн во главе мех-отряда разгромил подразделение Штаба обороны, «Ежедневник» вознёс его до небес, пророча славу выдающегося альфа-генерала Империи. В то же время «Вечерний вестник» ограничился крошечной заметкой на последней полосе с сухим «Штаб обороны уступил в упорной борьбе».

Так или иначе, раз семья Янь Сюня связана со Штабом национальной обороны, Фу Сыхэну следовало держать дистанцию.

Взгляд Фу Сыхэна потемнел. Похоже, с этим парнем не стоит сближаться. Даже банальная дружба с ним чревата лишними проблемами.

Завершив пробежку, Янь Сюнь перешёл к утренней программе.

Фу Сыхэн стоял неподалёку, наблюдая за отжиманиями и подтягиваниями на турнике. Мускулистые тела альф блестели от пота под палящим солнцем.

Курсанты подначивали Янь Сюня сойтись в состязании с Хань Фэем. Янь Сюнь скользнул взглядом по Фу Сыхэну, сорвал с себя футболку и бросил её на перекладину.

Оставшись в одной чёрной майке, он выглядел подтянутым и статным — куда гармоничнее накачанного до гипертрофированности Хань Фэя.

То ли сказывался период вторичной дифференциации, то ли ещё что, но если раньше Фу Сыхэна подобное зрелище не трогало совершенно, то сейчас пульс неоправданно участился.

Под одобрительный гул Янь Сюнь обставил Хань Фэя ровно на пятьдесят подтягиваний. Хань Фэй, тяжело дыша, прыгнул на землю, а Янь Сюнь, сменив хват на одну руку, с лёгкостью подтянулся ещё пару раз.

— Вот это да! Старшеклассник Янь — просто монстр! — взревела толпа.

Фу Сыхэн отвернулся, делая вид, будто увлечён разговором с инструктором, и изо всех сил

пытался не смотреть в центр плаца.

Заметив, что Фу Сыхэн не обращает на него ни малейшего внимания, Янь Сюнь потерял всякий интерес и соскочил с турника.

— Эй, ты чего остановился?

— Я как раз хотел спросить, как так прокачать силу рук!

Янь Сюнь вытер ладони и громко отчеканил:

— Будто не знаете? Альфы занимаются на снарядах только ради демонстрации перед противоположным полом. С какой стати мне выставяться перед вами?

— Ха-ха-ха, и то верно! Омега-то тут всё равно нет!

— А я не против! Готов даже на альфа-альфа отношения ради старшеклассника!

— Пошёл к черту, — со смехом отмахнулся Янь Сюнь, бросив беглый взгляд на Фу Сыхэна.

Тот по-прежнему беседовал с инструктором, но мочки его ушей, обращённые в эту сторону, слегка порозовели. Янь Сюнь остался доволен результатом и усмехнулся.

На обед Фу Сыхэн не пришёл.

Янь Сюнь поинтересовался у инструктора, где тот, и услышал в ответ, что Инструктор Фу почувствовал недомогание и ушёл отлежаться в жилой блок.

При словах «плохо себя чувствует» у Янь Сюня мгновенно пропало всякое желание играть в упрямство. Он набил термоконтейнер едой в столовой и бегом устремился к комнатам инструкторов.

Фу Сыхэн всё утро мучился от жжения в области затылка, а к полудню боль стала просто невыносимой, вынудив его уйти с занятий.

Едва он сорвал невидимый пластырь, как судорожно глотнул воздух от вспышки боли. Глянув в

зеркало, он увидел, что феромонная железа сильно опухла и покраснела.

Он хотел было снова воспользоваться ингибитором, но ситуация выглядела скверно. Пришлось отложить баллончик и влажной салфеткой осторожно стереть остатки препарата с кожи.

Ощущение накатывающей слабости, ломоты во всём теле и жара вернулось с новой силой. Фу Сыхэн нахмурился и снова потянулся к ингибитору.

В этот момент в дверь дважды постучали, и она сразу же отворилась.

От боли и спешки Фу Сыхэн забыл запереться. Он резко обернулся и, увидев Янь Сюня, выдохнул.

Янь Сюнь прикрыл за собой дверь и шагнул в комнату:

— Что с тобой? Плохо?

Находясь рядом, он заметил в руках Фу Сыхэна супрессор, и его взгляд мгновенно остекленел.

Фу Сыхэн откашлялся, пытаясь вернуть голосу твёрдость:

— Зачем пришёл?

Аура вокруг Янь Сюня резко изменилась, от него веяло давящей, почти ощутимой опасностью.

— Дай посмотреть, — произнёс он тоном на пару тонов ниже обычного.

Поставив контейнер с едой на стол, он бесцеремонно схватил Фу Сыхэна за плечо, намереваясь развернуть и осмотреть затылок.

Фу Сыхэн не хотел демонстрировать раздувшуюся, пылающую железу и попытался вырваться:

— Что ты делаешь? Не твоё дело!

Янь Сюнь и без того свирепел от его упорного нежелания слушать умные советы и желания снова и снова травиться ингибиторами. Слова Фу Сыхэна подлили масла в огонь: он без лишних церемоний заломил ему руки за спину и прижал грудью к столу, чтобы добраться до шеи.

Фу Сыхэна отроду так не третировали! И пусть хватка Янь Сюня была осторожной и не причиняла боли, быть впечатанным в стол собственным курсантом было катастрофическим

ударом по достоинству инструктора.

Он вспыхнул до корней волос и прорычал:

— Пусти сейчас же!

Однако омега в период дифференциации — не соперник высококлассному альфе. Янь Сюнь легко удерживал его одной рукой, а пальцами второй бережно докоснулся до воспалённой железы.

От прикосновения прохладных подушечек к пылающей коже Фу Сыхэн невольно вздрогнул.

Он хотел снова потребовать свободы, но Янь Сюнь тихо перебил его:

— Тш-ш, не дергайся. Я только гляну.

Он совсем легко, едва касаясь, погладил распухший бугорок. Сердце сжалось от жалости, он наклонился ближе и слегка подул на больную кожу.

— Хватит уже глушить себя супрессорами, — тихим, мягким голосом попросил он. — Я могу сделать тебе временную маркировку. Даже если ты потом решишь её смыть — ладно. Я никому не скажу.

Фу Сыхэн замер, длинные ресницы дрогнули.

Янь Сюнь добавил едва слышно:

— Я укушу совсем слегка. У меня клыки совсем не острые.

<http://bllate.org/book/19806/1986349>